

Андрей Воронцов

СОПЕРНИК МАЯКОВСКОГО

«ЧЁРНАЯ ЛИЛЯ»

В многословной поэме Маяковского «Про это» ощущается какая-то недоговорённость, кажется, чем больше слов, тем больше умолчаний. Вроде бы под «этим» подразумевается любовь, а где там любовь-то? Много всякой поэтической неврастении, а вот что касается любви... Пожалуй, преобладающее чувство в «Про это» не любовь, а ревность. Кого ревнует поэт – ясно, поскольку поэма предельно автобиографична, с указанием имени-отчества лирического героя («Владим Владимыч»), его домашнего адреса и даже номера телефона. А героиня проживает именно там, в Водопьяном переулке. Это, конечно, Лиля Брик. Впрочем, читатель в 1923 году не нуждался и в маленьком усилии, чтобы догадаться, поскольку поэма была посвящена Лиле Брик, а книжное издание её было проиллюстрировано родченковскими фотографиями Лили. «Про это» – практически документальная поэма. За исключением одного: непонятно К КОМУ ревнует Лиллю Владим Владимыч. Может, к Осипу Брику? Некоторые усмехнутся, однако, несмотря на то, что они ещё с 1915 года жили «втроём», совершенно исключить этого нельзя. Написано же в поэме «Флейта-позвоночник»:

Думает бог:

Погоди, Владимир!

Это ему, ему же,

чтоб не догадался, кто ты,

выдумалось дать тебе настоящего мужа

и на рояль положить человечьи ноты.

Если вдруг подкрасться к двери спальной,

перекрестить над вами стеганье одеялово,

знаю – запахнет шерстью паленной

и серой издымится мясо дьявола.

А Андрей Вознесенский вспоминал: «Уже в старости Лиля Брик потрясла меня таким признанием: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал». Свидетелем этого рассказа Л. Брик был также болгарский поэт Любомир Левчев.

Последняя возлюбленная Маяковского, актриса Вероника Полонская, с которой он познакомился в 1929 г., то есть в ту пору, когда, как уверяла впоследствии Л. Брик, она уже не была близка ни с Маяковским, ни с Бриком, писала: «Я никак не могла понять семейной ситуации Бриков и Маяковского. Они жили такой дружной семьёй, и мне было неясно, кто же из них является мужем Лили Юрьевны».

На самом деле, конечно, если неясно, кто из двух мужчин является мужем женщины, то у неё два мужа. При этом надо понимать, что к 1922 году у «мужей» произошла некая статусная «рокировка»: основное место в постели Лили (судя по прямому указанию в «Про это») занимал уже не «настоящий муж» Осип, а Владим Владимыч. Забыл ли он о своих переживаниях 1915–1916 годов? Вообще, поэты таких вещей совершенно не забывают.

О моральном облике Лили Брик больше говорит даже не факт жизни с двумя «мужьями», а то, что она, будучи автором идеи этого «треугольника», сама, однако, не слишком одобряла чужие «треугольники», особенно, если в них мог как-то попасть Маяковский. В 1929 г. она записала в дневнике: «На улице встретили Полонскую с Володей и Яншиным (официальным мужем Полонской. – А. В.) по бокам под ручку – тусклое зрелище». А вот когда она сама шла по улице в аналогичной позиции между Володей и Осиком – это, конечно, было яркое зрелище!

Однако интрига в том, что Лиле двух мужчин было мало. Как-то пресновато для зрелой куртизанки – Осик и Володя... Особенно тяготела она к чекистам типа Агранова. Да и вообще к влиятельным мужикам. Причём именно в период, предшествующий созданию «Про это». Поначалу Маяковский, давно смирившийся с «треугольником», протестовал против превращения его в «многоугольник». Вот истинная подоплёка коллизии «Про это». 27 декабря 1922 г., после очередного скандала, Лиля отправила Маяковского в двухмесячную ссылку – в писательский кабинет на Лубянке. Выглядело это так: «Выходит только за папиросами, не звонит по телефону, ни с кем не видится, сидит, распухший от детских слез...». Впрочем, всё же выходил, шёл тайком к своей общей с Бриками коммунальной квартире

В Водопьяном переулке, стоял на лестнице у дверей своей квартиры, слушал... «Горлань горланья, оранье орло ко мне доплеталось пьяное допьяна».

28 февраля 1923 г. Маяковский хмурый, с поэмой «Про это» подмышкой, вернулся в Водопьяный, отдал стихи, как прежде, Осипу – «расставить запятатки». Вроде бы выдержал зарок, торчал два месяца на Лубянке, писал Лиле жалостливые письма, а результат? Его возвращение, в общем, было капитуляцией, хотя и почётной. Издав книгой «Про это», он закреплял право собственности на Лилю. Поэма не только посвящалась ей, но и была иллюстрирована Александром Родченко её фотографиями, в том числе и в пижаме. Чтобы, так сказать, у читателей не оставалось сомнений, кого из своих «мужей» и любовников Лиля чаще пускает в постель.

Кстати, «фотосессии» эти и Родченко, и Лиле, очевидно, понравились, и в следующем году Родченко делает более смелое фото, на котором Лиля, в общем, абсолютно нагая, поскольку чёрное газовое платье, надетое на голое тело, ничего не прикрывает.

Я бы назвал это фото – «Чёрная Лиля». Маяковский почему-то не иллюстрировал им свои произведения.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ И АБРАМ МОИСЕЕВИЧ

Часто имеет значение не сам факт измены женщины, а то, кому она изменяет. Забавы Лили с чекистами, конечно, раздражали Маяковского, но едва ли только они были причиной «декабрьского кризиса» в его отношениях с Лилей. Да и какой с чекистов спрос, если они были коллегами и О. Брика, и даже Л. Брик (что выяснилось сравнительно недавно)? А у коллег, да ещё по такому специфическому учреждению, свои отношения – «доверительные», «товарищеские», так сказать.

Другое дело, что у Маяковского тогда появился соперник, причём соперник серьёзный и, что немаловажно, куда более подходящий на роль «спонсора» Бриков. Может быть, и два месяца-то потребовались Лиле для того, чтобы отчётливей уяснить перспективы и, так сказать, размеры «спонсорства».

Речь идёт о тогдашней связи Лили с Александром Михайловичем Краснощёковым (он же Абрам Моисеевич Краснощёк, он же Александр Тобинсон). Именно он, я полагаю, «фигура умолчания» в «Про это». Я обратил на него внимание, когда писал эссе «Маяковский и его железные книги», опубликованное впоследствии

в «Нашем современнике». Краснощёков родился 10 октября 1880 г. в печально известном Чернобыле. Он был первым «красным банкиром», а в прошлом – подпольщиком-«искровцем», соратником Ленина и Троцкого и популярным американским адвокатом в области трудовых споров и конфликтов (Краснощёк прожил в США 14 лет под фамилией Тобинсон). В 1917 г. он вернулся в Россию, примкнул к большевикам и занимался до 1921 г. партийной и государственной работой в Восточной Сибири.

Осенью 1922 года Краснощёков стал председателем правления Российского торгово-промышленного банка («Промбанк»). Краснощёков добился для банка права самостоятельно осуществлять валютные операции, договорившись с приятелями из американских профсоюзов об учреждении совместной компании по осуществлению переводов и инвестициям в советскую экономику – «Российско-американской индустриальной корпорации» (РАИК).

Очевидно, именно в эту пору Краснощёков познакомился с Маяковским и Бриками. В автобиографии Маяковского «Я сам» читаем под 1922 годом: «Приехали с Дальнего Востока Асеев, Третьяков и другие товарищи по дракам». Не исключено, что именно дальневосточные футуристы, которым покровительствовал Краснощёков, работавший до приезда в Москву в Чите, и привели его в тогдашнюю квартиру Маяковского в Водопьяном переулке, чем очень польстили тщеславной Лиле. Гостей такого ранга там ещё не видели. Да и сам по себе Краснощёков, 42-летний мужчина в самом соку, был вовсе не урод. Живые глаза Лили, натурально, заблестели. Советский банкир Краснощёков, сменивший полувоенный френч на гражданский костюм, активно менял и спартанский партийный образ жизни на тот, образцы которого он наблюдал в Америке – не знаю уж, с завистью или социалистической ненавистью. Призывные взгляды Лили не остались незамеченными. Наслышанный о нравах в странной «семье» Бриков и Маяковского, Краснощёков стал в открытую ухаживать за Лилей, заваливая квартиру в Водопьяном переулке цветами, деликатесами и шампанским. За ними последовала дорогая меховая шуба для Лили. Чекисты, надо сказать, шуб ей не дарили. Да и шампанское частенько пивали «на халяву», за счёт хозяев.

Лилия, без всяких сомнений, оказалась в постели с Краснощёковым так быстро, как это оказалось возможно, и ублажала его, как умела, а умела она больше иной «жрицы любви», поскольку познала интимную жизнь со взрослыми мужчинами

чуть ли не с 13 лет, по некоторым семейным свидетельствам. И Краснощёков, видимо, «поплыл».

Маяковский же, увидев банкирскую шубу, ответил «симметрично» и пошловато, тоже купив Лиле шубу. Но вообще он был Краснощёкову не конкурент. С точки зрения Лилиных перспектив он уступал ему во всех отношениях, если не считать поэзии, занимавшей отнюдь не первое место в системе воззрений «чёрной Лили» на мир. И вот Маяковский, уже не юноша, очутился примерно в том же положении, что и в 1914 г. в Одессе: «Помните? Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть», – а я одно видел: вы – Джиоконда, которую надо украсть! И украли».

Маяковский, разумеется, по советским представлениям, был далеко не бедным человеком, но, по меркам дореволюционных литературных классиков, не столь уж и богатым. Писателей в пору НЭПа душил прогрессивный налог, взимаемый с них как с «частных предпринимателей без мотора IV разряда». В том числе, и с таких «горланов-главарей», как Маяковский, – разницы тогда не делали. Известное стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» яркое тому подтверждение. Маяковский, конечно, будучи типичным поэтом-«многостаночником», печатался, где только можно, но, чем больше получал гонорара, тем больше платил и налогу. Ему, с Лилиными-то аппетитами, явно не хватало его заработка.

Краснощёков же не знал подобных проблем. Когда нужно, он считал свой банк государственным учреждением, а когда нужно – частным. Если речь заходила о его собственной зарплате, он «забывал» о том, что для руководителей-коммунистов существует «партмаксимум» зарплаты, выше которого никто из них зарабатывать не может. Краснощёков полагал, что подобное ограничение к нему не относится, ведь он возглавлял акционерный банк, где государство участвовало в капитале на равных правах с другими собственниками.

Одно мешало «чёрной Лиле» полностью заменить Маяковского Краснощёковым. Как ни «присушила» она к себе Краснощёкова, а в Москве мастериц этого жанра и без неё хватало, причём куда более юных и эффектных. А Краснощёков был вовсе не однолюб и имел, помимо Лили, в столице целый гарем любовниц. Терять из-за неё голову, как Маяковский, Краснощёков точно бы не стал и уж тем более не вошел бы в «семью» в качестве «третьего элемента». На это был способен только Володя. Потому-то и состоялось 28 февраля 1923 г. его возвращение.

А на каких условиях, один Бог знает. Во всяком случае, роман Лили с Краснощёковым продолжался.

Но и этот роман, и другие, и вообще образ жизни Краснощёкова требовал гораздо больше денег, чем он получал в своём банке в качестве жалованья. Ему приходилось запускать руки в банковские закрома. Вот как это выглядело по данным уголовного дела, возбуждённого в сентябре 1923 года:

«Родной брат А. Краснощёкова Яков являлся одним из первых клиентов банка... В то время как с частных клиентов банка за пользование срочными ссудами взималось 4–5 проц., Яков Краснощёков платил всего лишь 1,5–2 процента... Задолженность его банку превышает обеспечение более чем в 80 раз, а банк этим не смущается... Получаемые таким путём из банка деньги Краснощёков пускает в оборот на чёрной бирже и спекулирует вовсю, извлекая огромную выгоду».

Самого Александра Краснощёкова обвиняли в том, что по его вине задолженность компании (пресловутая РАИК) по переводу денег из Соединенных Штатов в СССР менее чем за год достигла 150 тыс. долларов США – тогда огромная сумма! То есть деньги получателям выплачивались, но из-за океана на счета банка никакой компенсации не поступало. При этом, как уверяли следователи, Краснощёков нарушил порядок, выступая в качестве представителя РАИК, будучи одновременно руководителем банка, с которым РАИК заключила договор (какая знакомая картина!). Кроме того, нашлись следы выплат РАИК бывшей жене Краснощёкова, жившей с его сыном в Америке.

Отдельным пунктом обвинения стала, говоря современным языком, «сердюковщина» – то есть наличие в штате «Промбанка» любовниц председателя правления: «Исключительно привилегированное положение занимала в банке фаворитка директора, некая Д. Я. Груз, занимавшая должность заместителя заведующего общим подотделом банка. Гр-ка Груз пользовалась в банке целым рядом привилегий... Являясь совершенно невежественной в банковском деле, гр-ка Груз согласно протокольного постановления Промбанка получила право второй подписи от имени банка... В августе 1923 г. ей был предоставлен двухмесячный отпуск, причём ей был выдан аванс в размере 450 руб. зол. Когда она уезжала (в Крым), ей были устроены бр. Краснощёковыми торжественные проводы на автомобилях с цветами. За счёт банка ей было куплено отдельное купе в международном вагоне до Севастополя».

Расписывались следователями и собственные траты Краснощёкова из средств банка: «...хозяйственным отделом был оплачен и ремонт дачи бр. Краснощёковых в Кунцево, а также в августе 1923 г. был подыскан секретарём Промбанка для А. Краснощёкова соответствующий особняк в Москве, за который была внесена арендная плата в 835 руб. золотом. Занять этот особняк Краснощёкову, однако, уже не пришлось. За счёт авансовых сумм хозяйственного отдела уплачивались также и членские партийные взносы А. Краснощёкова, приобреталось для него платье, бельё, духи, шляпы, оплачивался совнаркомовский паёк и т. д. и т. д. Из хозяйственных же сумм отправлялись деньги дочери Краснощёкова, находившейся с гувернанткой в Крыму. Всё нужное для дачи закупалось в городе за счёт хозяйственного отдела банка».

В список злоупотреблений входили также кутежи за счёт «Промбанка», перевод в полное пользование братьев Краснощёковых принадлежащих банку трёх лошадей с колясками и упряжью, а также двух верховых лошадей, и много чего ещё.

Роман Краснощёкова с «чёрной Лилей» активно развивался именно во время «ссылки» Маяковского и продолжался вплоть до сентября 1923 г. История умалчивает, приложил ли руку к разоблачению Краснощёкова имевший на него огромный зуб Маяковский. Во всяком случае, его связи с чекистами позволяли ему это. Зато известно точно, какую роль в падении Краснощёкова сыграл его бывший соратник по работе на Дальнем Востоке Генрих Христофорович Эйхе. Он, видимо, после увольнения из армии в 1923 г. остался без работы, и Краснощёков на свою голову «пригрел» его в банке. Эйхе показал, что значительное количество продуктов и вин, отправляемых на дачу в Кунцево, списывались на столовую банка. Покупка цветов для Лили и других любовниц Краснощёкова проводилась по графе «Вывоз мусора», а особую заграничную клизму, купленную для председателя правления, оформили... как инструмент для конюшни. Эйхе рассказал также о найме жилья для любовниц Краснощёкова и многом другом. О тратах на «чёрную Лилю», наверное, тоже, но эта информация гласности не предавалась, что косвенно может свидетельствовать о кое-какой причастности Маяковского к разоблачению Краснощёкова. Вся Москва шумела о романе председателя правления «Промбанка» с Лилей Брик, а о ней в материалах суда – ни слова. Отчего имя малоизвестной гражданки Донны Яковлевны Груз было обнародовано, а более известной гражданки Лили Юрьевны Брик –

нет? Либо оттого, что Маяковский, дав необходимые сведения о Краснощёкове, поставил условием неразглашение её имени, либо Лилю «прикрыли» коллеги-чекисты.

Но всё же главную роль в тотальной проверке «Промбанка» сыграли старые дальневосточные недруги Краснощёкова братья Губельманы – Моисей и Миней. Миней, больше известный под псевдонимом Емельян Ярославский, в 1923 г. вошёл в состав президиума высшего контрольного органа партии – Центральной контрольной комиссии (ЦКК). «И, как утверждали знатоки, именно по его инициативе в Промбанк пришла проверка из ЦКК», – писал в журнале «Коммерсантъ-Деньги»* Е. Жирнов.

ЦКК передала данные ревизии в ГПУ, и 19 сентября 1923 г. А. Краснощёкова арестовали. Это была одна из самых громких сенсаций того времени. Симпатизировавший Абраму Моисеевичу Ленин к тому времени перенёс второй, ещё более страшный удар, и защитить Краснощёкова уже не мог.

9 марта 1924 г. суд приговорил А. Краснощёкова к 6 годам одиночного заключения, Я. Краснощёкова – к 3 годам, Берковица – к 2 годам, Виленского – к 1,5 годам, Соловейчика – к 1 году.

ПРЕЗИДЕНТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Итак, сама судьба разрешила спор между Маяковским и Краснощёковым за обладание «чёрной Лилей» в пользу Маяковского (правда, отнюдь не сразу, о чём ниже). Но наш рассказ об этом, вольно или невольно окрашенный в иронические тона, будет не объективным, если мы не добавим, что за тюремной решёткой оказался не просто проворовавшийся «красный банкир», а человек в своем роде не менее талантливый, чем Маяковский, и подававший большие надежды как советский государственный деятель. Не исключено, что именно он явился прототипом Левинсона из фадеевского «Разгрома», поскольку был одним из главных организаторов и председателем Правительства т. н. Дальневосточной республики (ДВР). Это государственное образование, история которого малоизвестна, возникло после разгрома Колчака в апреле 1920 г. как следствие закулисных переговоров большевиков с Японией и США. Дело в том, что на русском Дальнем Востоке, помимо семёновцев и остатков разбитой колчаковской армии, находились оккупационные японские, американские и чехословацкие войска. Большевикам, надвигавшимся на Читу, предстояло либо вступить с ними в боевое соприкосновение, либо

* 2012, 20. 02, № 7.

как-то договариваться. Посредниками выступили местные эсеры и меньшевики, участвовавшие в борьбе против Колчака на стороне большевиков. Они выдвинули идею создания на огромной территории между Прибайкальем и Тихим океаном буферного с Японией демократического государства, в выборных органах которого были бы представлены все антиколчаковские партии.

Большевики подумали и согласились, с тем условием, однако, что «управлять процессом» будут они. Среди тех, на кого Москва возложила эту задачу, был, в частности, участник переговоров с эсерами и меньшевиками, член Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) Александр Краснощёков.

Негласная договорённость о «демократическом характере» ДВР предполагала и свободные выборы, и вот здесь Краснощёкову удалось то, чего не удалось большевикам в ноябре 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Хотя выборы в Учредительное собрание ДВР в январе 1921 г. коммунисты тоже проиграли (причём с абсолютно тем же результатом, что и в 1917 г. по всей России – 24,1% голосов), получив по своему партийному списку всего 92 мандата, но теперь у них, в отличие от «Учредилки» образца 1917–1918 гг., были многочисленные союзники. Краснощёкова смело можно считать автором идеи «блока коммунистов и беспартийных». Большевики переманили на свою сторону т. н. «крестьянскую фракцию большинства» (47,9% голосов, 183 мандата), состоявшую в основном из партизан – участников антиколчаковского движения. Отметим, что в Европейской России на подобные масштабные и рискованные выборы не отважились не только коммунисты, но и белые краевые правительства – даже самые «демократические» из них. Недаром белогвардейский генерал В. Г. Болдырев назвал результаты, достигнутые Краснощёковым, «блестящими». Подтасовки на этих выборах, конечно, были – да и какие выборы без них? Например, по одному из дошедших свидетельств, бойцам Народно-революционной армии ДВР и партизанам некоторые избиркомы вручали для голосования лишь один бюллетень – № 4, т. е. большевистский (в ту пору для каждого избирательного списка существовал отдельный бюллетень). Однако, судя по тому, что коммунисты, как и по всей России в 1917 г., набрали те же 24%, нарушения едва ли были масштабными.

В Учредительное собрание ДВР, помимо фракции Краснощёкова, входили ещё 7 партий и депутатских групп (между прочим, и «колчаковцы» – кадеты), но «блок коммунистов и беспартийных»

абсолютно доминировал. Тем не менее, заседания Собрания, проходившие в Чите с 12 февраля по 26 апреля 1921 г., были очень бурными и нередко переходили в драку. Видимо, всё же полностью контролировать вольную «партизанскую фракцию» коммунистам было не так просто, ибо ни одного решения в ленинском духе, которое хоть как-то бы ущемляло дальневосточных крестьян, Учредительное собрание ДВР не приняло. Более того, оно не приняло подобных решений и в отношении мелкой, средней и даже крупной русской буржуазии, за исключением тех её представителей, что активно сотрудничали с Колчаком и атаманом Семёновым. Впрочем, самый богатый человек Приморья Борис Бринер (отец знаменитого голливудского актёра Юла Бриннера), прекрасно уживавшийся с колчаковцами, не только не потерял свой бизнес после большевистского переворота во Владивостоке 31 января 1920 г., но ещё и стал в ДВР министром торговли и промышленности краевого Приморского правительства!

Председателем Правительства ДВР избрали Краснощёкова (позже он стал ещё и министром иностранных дел). Это была президентская, а не премьерская должность, поскольку Правительство в ДВР являлось не Советом министров, а «коллективным президентом», политически стоящим над Совмином.

Но, несмотря на очевидные успехи Краснощёкова в ДВР, политика его не нравилась московскому и дальневосточному партийному руководству, особенно, как мы упоминали выше, братьям Губельманам. В чём причина этого недовольства? В Советской России уже вовсю разворачивался НЭП, очень похожий на то, что изначально происходило в ДВР. Поэтому нападать на «рыночника» Краснощёкова, казалось бы, не имело никакого смысла. Но это только так казалось. НЭП был близок краснощёковской политике экономически, но отнюдь не политически. В ДВР формально не было монополии большевиков на власть, 7 министров из 16 представляли оппозицию, действовали политические партии, запрещённые в РСФСР, выходили их газеты, существовала практически неограниченная свобода торговли, частная собственность (исключая землю и недра, но они сдавались в аренду) и частные банки. Смертная казнь в ДВР, в отличие от РСФСР, была отменена. К тому же, видимо, Краснощёкову понравилось быть «президентом» даже условно независимой страны, и он не торопился «постепенно сворачивать буфер», как того требовали из Москвы. А ещё Краснощёков считал, что буржуазно-демократический строй ДВР не должен

носить временного или тактического характера*. Весьма вероятно, что в этом смысле он видел ДВР примером для преобразований в РСФСР. Но в Москве считали иначе. Поэтому, когда Краснощёков как руководитель соседнего дружественного государства приехал спецпоездом в Москву в ноябре 1921 г. на празднование 4-летия Октября, обратно он по решению Политбюро уже не вернулся.

«БЫЛА У ЗАЙЦА ИЗБУШКА ЛУБЯНАЯ...»

25 октября 1922 г. пал белый Владивосток, а уже 13 ноября в Чите открылась последняя сессия Народного собрания ДВР. Две трети всех мандатов, имевшихся у «блока коммунистов и беспартийных», predeterminedили результат голосования о судьбе ДВР. На следующий день Народное собрание приняло решение о ликвидации Дальневосточной республики. Один из пунктов последнего постановления парламента звучал особенно мрачно: «демократическую конституцию ДВР и её законы объявить отменёнными»...

Когда бывшие руководители ДВР остались не у дел, их ждали в Советской России несоразмерно маленькие назначения. Краснощёков, например, стал вторым заместителем наркома финансов РСФСР. «Старая большевистская гвардия» всеми силами сопротивлялась возможности его возвышения в Москве. Нет сведений, что американский приятель Краснощёкова Троцкий поддерживал его – наверное, тоже видел в нём способного конкурента. Когда же Краснощёков имел несчастье подцепить тиф и слёг, его быстренько уволили из Наркомфина. Даже негуманист Ленин удивлялся такой негуманности в письме членам Политбюро от 30 марта 1922 г.: «Всё возможное и невозможное сделано нами, чтобы оттолкнуть очень энергичного, умного и ценного работника».

И тогда, очевидно, в голову Краснощёкова пришла облегчающая мысль: «А мне оно надо? Разве я не могу найти себе полезное во всех отношениях занятие?» Остап Бендер, не сумев стать ни советским, ни бразильским миллионером, решил переквалифицироваться в управдомы, а Краснощёков, напротив, не сумев стать советским управленцем, решил переквалифицироваться в советские миллионеры.

Но вообще дело «Промбанка» сильно пахло «политическим заказом», как и большинство похожих дел на постсоветском

* Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. – М., 1974.

пространстве. Я не хочу сказать, что Краснощёков был ни в чём не виноват: он любил пожить на широкую ногу, чего, кстати, и не скрывал. Однако польза от его деятельности с лихвой перекрывала урон. Забытый ныне Краснощёков был талантливым и, самое главное, не кровожадным советским политиком (такая редкость среди них!), действуя на посту председателя Правительства созданной им ДВР прямо противоположным образом, чем Ленин с Дзержинским на территории остальной России. Ни расстрелов, ни реквизиций, ни продразверстки, ни русофобии... Он не боялся оппозиции и свободных выборов. Краснощёков – автор идеи введения советского золотого рубля (он первым осуществил её в ДВР в 1921 г.) и создатель Аэрофлота (тогда – «Добролёта») в 1923 г. Даже «нэповское» название ВЧК – Государственное политическое управление – Москва слямзила у Краснощёкова (спецслужба ДВР называлась Государственной политической охраной). А главное, что он, даже будучи отстранённым от высоких должностей после удаления из «буферного государства» ДВР, являлся серьёзным конкурентом тогдашним партийно-государственным руководителям. За ним пристально следили и при первой же возможности с помощью услужливого Дзержинского убрали. Да, Краснощёков использовал служебное положение в личных целях, но он не занимался крупными хищениями, как, например, Свердлов. Когда в 1935 г., через 16 лет (!) после смерти Свердлова, глава НКВД Ягода вскрыл его сейф, то обнаружил в нём золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей, царские ассигнации на сумму 750 000 рублей и 705 золотых изделий, многие с драгоценными камнями. И, что любопытно – множество царских загранпаспортов (видимо, на случай бегства от белых). Откуда «дровишки» – известно: изъяты у несчастных жертв красного террора. Но ведь непосредственные подчинённые Свердлова из ВЦИКа и Оргбюро ЦК РКП (б) арестами, обысками и конфискациями не занимались! Ими занимались подчинённые Дзержинского: стало быть, они и тащили Свердлову деньги, ценности и загранпаспорта. Естественно, глава ВЧК не мог не знать об этом, но почему-то не проявил своей знаменитой «принципиальности». Скандальные хищения совершались и в Красной Армии: в частности, в 1918 г. на Украинском фронте под командованием другого видного большевика, В. А. Антонова-Овсеенко. Генерал-лейтенант А. Е. Снесарев, перешедший на службу в РККА, писал в дневнике об Антонове-Овсеенко: «...к нему все и за всем, начиная от портянок, больше

за деньгами... Счёта никакого. Блаженный главковерх сам говорит: «Надо бы вести учёт, да у меня куда-то исчезли 2 миллиона» (8. 05. 1918). Через полгода эта сумма сильно увеличилась: «Карташёв говорит: за Антоновым осталось документов на 25 милл... Много документов «сожгли»» (5. 11. 1918). И что же Дзержинский? А ничего!

В сейфе же Краснощёкова никаких денег и ценностей не обнаружили. «Заначки» на чёрный день он точно не имел, поскольку после ареста Краснощёкова его дочь Луэлла жила на содержании Маяковского и четы Бриков.

Даже в свете того, что мы узнали о Краснощёкове как руководителе «Промбанка», я признаться, симпатизирую ему как политику и личности больше, чем Маяковскому, не говоря уже о его «семье» – Бриках. Краснощёков был последовательным и по-своему честным человеком: нравилась ему буржуазная демократия под контролем коммунистов – и он осуществлял её в ДВР и агитировал за госкапитализм в Москве. Нравилась (за неимением лучшего) жизнь «красного банкира» – и он открыто вёл её. А двуличные Брики эти, с доносительским азартом выискивавшие малейшие «буржуазные уклоны» у русских писателей-«попутчиков», сами, когда выезжали за границу, распускали слюни восторга по поводу тамошних капиталистических порядков. Например, в дневнике «чёрной Лили» читаем в начале 1930 г., что Советская Россия отстала от Запада не на 13, а на 300 лет. Ну, конечно: в Польше лакеи и носильщики кланяются, на станциях свободно продаются ослепительно белые булочки и т. п.! Отчего же вы, пользуясь всеми благами такой жизни в царской России, боролись против неё, начиная с 1905 г., как об этом пишет в воспоминаниях та же Л. Брик? Только потому, что это была не ваша, а русская жизнь?

Если же говорить о «горлане-главаре» Маяковском, то мне не доводилось читать, чтобы он, выезжая за границу, выступал там перед любимым своим пролетариатом, на сходках коммунистов, на митинге «Рот фронта», на традиционном празднике газеты «Юманите» и тому подобное. Нет, он выступал за деньги, причём в основном перед русской эмигрантской публикой, соскучившейся по гостям с родины, и американскими евреями, выходцами из России. Оно и понятно: на советские рубли автомобиль для Лили за границей не купишь. А ГПУ, агентами которой состояли О. и Л. Брик, делало вид, что этого не знает. Случись в СССР капиталистическая реставрация, Маяковский, полагаю, и не подумал

бы уйти в подполье и писать стихотворные прокламации против буржуев: он поступил бы точно так же, как и в 1910 г., когда тихой сапой покинул ряды РСДРП (б), – то есть снова бы «прервал партийную работу» и принялся сочинять свои «антиевангелия» (если, конечно, белые не шлёпнули бы его сразу за поэтизацию расстрелов). А Брики преспокойно вернулись бы к буржуазной жизни, потребовав возвращения конфискованных у их родителей средств и недвижимости. Увы, увы – не только Брики, но и Маяковский со своим безусловным талантом принадлежал не к лучшей породе людей, представителей которой мы в жизни сторонимся и стараемся не подавать им руки. В сущности, Маяковский был Шариковым советской литературы, а Брики – коллективным Швондером. Те, кто возмутится моими словами о Маяковском, плохо его читали. Он не только в 1915 г. «притворился чертёжником», чтобы не идти на германскую войну, но и в 1918 г. вёл себя точно так же: «Отчего не в партии? Коммунисты работали на фронтах. В искусстве и просвещении пока соглашатели. Меня послали б ловить рыбу в Астрахань» («Я сам»). То есть Маяковский к пребыванию на любых фронтах и даже в тылу фронтов относился примерно так же, как Шариков: «На учёт возьмусь, а воевать – шиш с маслом».

Видимо, отсидев в юности восемь месяцев в тюрьме (хотя в автобиографии он почему-то утверждал, что 11), Маяковский пришёл к выводу, что нет такой идеи, за которую можно было бы сидеть в тюрьме или воевать. Писать – пожалуйста. А вот Абрам Моисеевич Краснощёк всё-таки был другим. Оставив налаженную жизнь в Америке, он на Дальнем Востоке не только кабинетной политикой занимался, а работал в реальном подполье, ходил партизанскими тропами, срывал голос на митингах. Маяковский в своей жизни не видел ни одного настоящего белогвардейца, а Краснощёков не просто видел – белые его чуть не расстреляли в Благовещенске, однако он почему-то не злобствовал на них так, как Маяковский в «Окнах РОСТА». Напротив, пытался, причём небезуспешно, найти «третий», мирный путь из той кровавой мясорубки, в которой Россия оказалась.

После суда Краснощёков отбывал срок в Лефортовской тюрьме. В ноябре 1924 г. он заболел туберкулёзом, и его перевели в тюремную больницу. По окончании лечения, в январе 1925 г., он был выпущен на свободу по амнистии. Сталин его простил и в 1926 г. дал экзотическую должность с русским народным названием – начальник Главного управления новых лубяных культур наркомата земледелия СССР. Оно, кто не знает, осуществляло

заготовку волокнистых льновых трав для текстильной и канатно-верёвочной промышленности. Кстати, «сермяжное» название главка не должно вводить в заблуждение, что он ведал традиционным нашим промыслом. Это верно лишь применительно к веревкам и канатам, а вот лубяное сырьё (джут) для текстильной промышленности до Краснощёкова, как ни странно, ввозили из-за границы. Так что он сидел в своем главке не для «галочки», старался оправдать сталинское доверие.

Арест Краснощёкова вовсе не означал автоматического исчезновения его из жизни Лили. Здесь Маяковского ждал самый, пожалуй, неприятный сюрприз: оказалось, Лилия не просто была любовницей «красного банкира», она его ещё и любила. По-своему, конечно, по-бриковски, что не исключало других влюблённостей или даже простых соитий с первым понравившимся партнёром, но любила. 19 ноября 1924 г., то есть уже после вынесения приговора Краснощёкову, она писала Маяковскому за границу: «Что делать? Не могу бросить А. М. пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни. Поставь себя на моё место. Не могу. Умереть – легче». Поскольку именно в ноябре Краснощёкова перевели в тюремную больницу, есть все основания предполагать, что сделано это было не без хлопот Лили у чекистов. Дочь Краснощёкова Луэлла в 1924–1925 гг. жила у Бриков и Маяковского, Лилия называла её «доченькой». После амнистирования Краснощёкова его связь с Лилей возобновилась и продолжалась с перерывами аж до 1927 г., пока Абрам Моисеевич, видимо, не понял, что из-за этой Лили он сможет не удержаться и на должности начальника главка.

Краснощёков пережил Маяковского, но 16 июля 1937 г. был снова арестован – уже как враг народа. Из своего «лубяного управления» перекочевал он на Лубянку. Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная... Маяковский, будь он жив, наверное, не удержался бы скаламбурить на сей счет. 25 ноября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Краснощёкова к расстрелу. Он был некогда соперником Маяковского за право обладать Лилей Брик, но ни ему, ни Маяковскому близость с этой «чёрной Лилей» счастья не принесла.